

КЕМ БЫЛА ОДЕРЖАНА ПОБЕДА? К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ДИСКУССИИ НА ИЮЛЬСКОМ (1928 Г.) ПЛЕНУМЕ ЦК ВКП (Б)

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, Feldman_m.a.@ui.ranepa.ru

УДК 329(47+57)''1928''

ББК 66.69(2),2+63.3(2)614-2

Укрепление критических подходов в современной исторической литературе к развитию капиталистических отношений в современной России рассматривают эволюцию оценки НЭПа, проявляющийся в растущих пессимистичных выводах о невозможности альтернативы сталинскому варианту социально-экономического развития СССР. В статье утверждается другое мнение, говоря, что в работах экономистов и сотрудников Комиссии государственного планирования 1927–1928 гг. содержался разумный подход к модернизации страны на основе смешанной экономики. Пленум ЦК КПСС в июле (1928 г.) продемонстрировал реальную альтернативу «левому курсу» – варианту индустриализации страны и превращению крестьянского хозяйства на принципах новой экономической политики.

Ключевые слова: партия, пленум, Центральный Комитет, управление, ученые, крестьяне, экономика, индустриализация, коллективизация.

WHO WAS VICTORIZED? TO THE QUESTION OF THE RESULTS OF DISCUSSION AT THE JULY (1928) PLENUM OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU (B)

Feldman M. A.

Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Ural Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 620990, Russia, Yekaterinburg, March 8 str., 66, Feldman_m.a.@ui.ranepa.ru

The strengthening of critical approaches in contemporary historical Literature to the development of capitalist relations in modern Russia, said elk and on the evolution of the estimates of NEP, manifesting itself in the growing pessimistic conclusions about the impossibility of alternatives to the Stalinist variant of socio-economic development of the USSR. The article defends a different view, arguing that in the works of economists and employees of the state planning Commission 1927–1928. contained a reasonable modernization of the country based on mixed economy. The July (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) demonstrated a real alternative to the “leftist course” – a variant of the industrialization of the country and the transformation of the peasant economy on the principles of the new economic policy.

Key words: Party, Plenum, Central Committee, NEP, management, scientists, farmers, economy, industrialization, collectivization.

В исторической литературе июльский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП (б) обычно рассматривался в контексте борьбы с «правой оппозицией». Однако уже в самом начале 1990-х гг. французский историк Н. Верт в книге «История советского государства» отметил, что

участники Апрельского и Июльского (1928) Пленумов ЦК ВКП (б) не поддержали курс Сталина на «чрезвычайные меры» по отношению к зажиточным крестьянам. В резолюциях, принятых на указанных Пленумах осуждались перегибы по отношению к частным

предпринимателям и середнякам [1, с. 182–183]. Даже с учетом того, что соответствующий раздел книги Верта в духе советской традиции назывался «разгром правой оппозиции», из текста вытекало, что речь идет о столкновении *двух течений в руководстве большевистской партии*.

Насколько глубоко разногласия в трактовках Нэпа и дальнейших путей развития проникли в партийные массы к лету 1928 г.?

Не давая прямого ответа на этот вопрос, Р. Такер, указывая на предельную внутреннюю напряженность полемики на Июльском Пленуме ЦК ВКП (б) 1928 г., отмечает: апелляция Сталина к антиулацким настроениям в партии, с весьма произвольным использованием ленинских цитат, была с пониманием воспринята частью коммунистов в центральных управленческих ведомствах Советского государства [2, с. 372–373].

О поддержке курса Сталина со стороны части среднего звена партийного аппарата Сибири пишет С. А. Кислицын. В результате руководители Сибирского крайкома ВКП (б) С. И. Сырцов и Р. И. Эйхе оказались под двойным давлением: и подчиненного Сталину аппарата ЦК, и сталинистов из числа секретарей ряда окружкомов [3, с. 115–117, 120]. После конфликта с местными руководителями-догматиками, подчеркивает С. А. Кислицын, на некоторое время «из речей и статей С. И. Сырцова исчезла излишняя самостоятельность и оригинальная трактовка тех или иных проблем» [3, с. 121].

В этой связи становится понятной, например, большая сдержанность выступлений Сырцова и Эйхе на Июльском Пленуме ЦК, в сравнении с их речами на Апрельском (1928) Пленуме ЦК ВКП (б).

Однако и взгляды сторонников Нэпа имели немалую поддержку в партии, подчеркивает Е. Г. Гимпельсон. Острота дискуссий на Пленумах ЦК 1928 г. была во многом связана с экономическим кризисом и затруднением поставок на экспорт. Кризис потребовал ответа на жесткие вопросы: «кто в нем виноват и как из него выйти»? [4, с. 153].

Судьба июльского Пленума ЦК ВКП (б) по мнению венгерского историка М. Куна, решалась в двух плоскостях: в ходе открытых дискуссий, где А. И. Рыкову и Н. И. Бухарину удалось отстоять курс Нэпа. А вот в другой плоскости организаторской противники Сталина, ради ложно понятого единства партии, не решились на развернутую критику генерального секретаря ЦК, предоставив Сталину возможность осуществления изолированных закулисных действий по удалению оппонентов из управленческого аппарата. [5, с. 235–236].

Вышедшее в свет в 2000 г. «Ведение» ко второму тому пятитомника «Как ломали Нэп» [6], написанное историками В. П. Даниловым, А. Ю. Ватлиным и О. В. Хлевнюком, и на сегодняшний день представ-

ляет собой самый глубокий анализ событий политической полемики на Июльском Пленуме ЦК ВКП (б) 1928 г. *между двумя группами* участников Пленума.

В. В. Данилов и его соавторы не признавали хрупкость и формальность победы группы Рыкова-Бухарина по центральному вопросу повестки июльского (1928) Пленума, но, вместе с тем, отмечали: резолюции Пленума на сохранение Нэпа, прежде всего, установки на подъем мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, на широкое использование и развитие товарно-рыночных связей в экономике были поддержаны участниками партийного форума [6, с. 14].

Фактически «Введение» стало высшей точкой развития линии оптимистических оценок потенциала новой экономической политики.

С началом нового века, усиление критических подходов к развитию капиталистических отношений в современной России в 1990-е гг., сказалось и на эволюции оценок Нэпа, проявившись в нарастании пессимистических выводов о возможностях альтернативы сталинскому варианту социально-экономического развития. Так В. В. Кондрашин пишет: «изучив значительный комплекс архивных источников и опубликованных материалов, я пришел к выводу о невозможности осуществления на практике программы «правой оппозиции» и, таким образом, нереальности «бухаринской альтернативы» сталинской насильственной коллективизации. Именно поэтому победа Сталина в борьбе за власть была вполне закономерной» [7, с. 22].

Следует учесть, что В. В. Кондрашин солидаризуется с лидерами «правой оппозиции» они «совершенно справедливо критиковали сталинистов за их приверженность методам насилия в обращении с крестьянством»; более того, отмечает историк, «их критика «чрезвычайщины» во время хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 г. давала свои результаты, поскольку на официальном уровне осуждались и исправлялись так называемые перегибы на местах». Наконец, ставка группы Рыкова-Бухарина «на развитие индивидуальных крестьянских хозяйств как наиболее перспективных на ближайшее десятилетие с точки зрения обеспечения государственных нужд» вызывает доверие автора [7, с. 22].

Нереальность позиций правых, по мнению Кондрашина, связана с содержанием их предложений по практическому выходу страны из сложившейся ситуации. К ним историк относит: «снижение взятых темпов индустриализации; отказ от проведения индустриализации любой ценой, перераспределение имеющихся у государства средств, прежде всего валютных, на нужды населения, переживающего серьезные продовольственные трудности в городе и на селе» [7, с. 23].

Однако при этом Кондрашин ссылается на выступления сторонников группы Рыкова-Бухарина на

апрельском (1929) Пленуме ЦК ВКП (б), т.е. уже в совершенно иной политической ситуации.

Если говорить о дискуссиях участников Апрельского и Июльского (1928) Пленумов ЦК ВКП (б) последних партийных форумов, где шел диалог и открытое обсуждение путей развития сторонники Нэпа не предлагали практически ничего из того, что обозначил Кондрашин.

Так Рыков на июльском Пленуме ЦК ВКП (б) говорил о том, что «перекачка средств из частного сектора (в котором крестьянин занимает одно из главных мест) в социалистический должна быть и дальше. Система цен вытекает из этой перекачки, и скрывать тут нечего» [8, с. 317].

Единственное, что необходимо было сделать это временно уменьшить быстро возросший налоговый пресс на крестьян-середняков. «Но гранью этого пересмотра является сохранение максимального преимущества для социалистического сектора вообще, и в деревне, и в городе, и для промышленности, для индустриализации страны в частности. Тут основная линия должна быть сохранена полностью» [8, с. 318].

Глава правительства СССР выступал и за ускоренное развитие тяжелой промышленности, в частности, за счет перелива средств из легкой промышленности. В этом нет сомнения и у Кондрашина, когда он пишет: лидеры правых не были противниками ускоренной индустриализации и коллективизации крестьянских хозяйств [7, с. 22].

Корень проблемы заключался в том, что в 1928 г. (по крайней мере, до осени 1928 г.) сохранялась не только возможность сохранения Нэпа. Та схема, которую ученые-экономисты в Госплане (сотрудники Г.М. Крижановского), и вне его, выстроили в рамках проектов Первого пятилетнего плана позволяла за счет средств кооперации, налогов с частного сектора, займов у населения [10–11], внешних кредитов; режима экономии изыскать средства для индустриализации, даже при всех несомненных трудностях финансового характера. «Нам нужен внешний кредит на 1,5 млрд руб. ... Можем рассчитывать только на 700 млн руб.» говорил на ноябрьском пленуме (1928 г.) ЦК ВКП (б) Г.М. Крижановский [9, с. 54–55].

Проект пятилетнего плана предусматривал рост товарной продукции сельского хозяйства за пятилетие с 2990 млн руб. до 5300 млн руб. по отправному варианту и до 6400 млн по оптимальному [11, с. 273]. Таким образом, при сохранении нэповской модели сельского хозяйства, крестьянство могло, за счет развития кооперации, мер по развитию сельскохозяйственного машиностроения и т.п., нарастить *товарную продукцию* сельского хозяйства на 2,4–3,5 млрд рублей.

Расходы на небольшое повышение закупочных цен на зерно (на 5 %) на закупки сельхозмашин окупались

бы во многом за счет оборотных средств кооперации, составлявших около 760 млн руб. О возможностях кооперации говорил и такой факт: если в 1926/27 г. кооперация имела собственных средств в обороте 36,5 %, а заемных 63,5 %, то спустя год, соответственно, 63 % и 37 % [9, с. 199].

Сохранение индивидуального крестьянского хозяйства, отмечал С.Г. Струмилин, позволяло получить в виде налогов и займов 3,9 млрд руб., в том числе 2,1 млрд руб. от «кулаков»; 1,8 млрд от середнячества. Около 300 млн из этой собранной суммы должно было быть перераспределено для укрепления бедняцких дворов [11, с. 159–161]. Сопоставление этих цифр с тем, что реально получило Советское государство от продажи зерна за годы первой пятилетки 442, 1 млн рублей (из общей выручки за экспорт 3282,6 млн рублей) вместо 5426 млн рублей за экспорт главнейших товаров по плану [7, с. 99] убедительно доказывает: коллективизация не принесла необходимых для индустриализации валютных резервов.

Таким образом, при всех известных слабостях и противоречиях Нэпа, приведенные статистические данные не позволяют сделать вывод о бесперспективности многоукладной экономики.

Историки не раз обращались к проблеме Нэпа, отмечая особую роль Июльского (1928) Пленума ЦК ВКП (б). Вместе с тем, они не ставили задачу исследовать ход обсуждения основных вопросов на Июльском Пленуме ЦК ВКП (б); не изучалась проблема соотношения сил сторонников и противников Нэпа на конкретных заседаниях; вне поля зрения исследователей остался важный аспект – дирижирования выступлениями со стороны Сталина, а также Рыкова и Бухарина.

Раскрытию этих вопросов посвящена предлагаемая читателям статья.

Вслед за апрельским Пленумом ЦК ВКП (б), Пленум 4–12 июля 1928 г. стал местом обширной дискуссии, внешне умеренной по эмоциональному напряжению, однако упорной и ожесточенной по внутреннему содержанию выступлений.

На складывание исторической обстановки летом 1928 г. влиял ряд весьма разнонаправленных факторов. Во-первых, основные мысли ученых-экономистов, изложенные в 1926–1927 гг. на страницах научных журналов [12, с. 26]; в ходе дискуссий съездов работников госпланов [10, с. 3–5] о том, что путь к социализму лежит через «развертывание товарно-денежного оборота, позволяющего мобилизовать все хозяйственные силы», через сохранение многоукладной экономики. Эти мысли легли в основу проектов Первого пятилетнего плана, создавая определенное новаторское научное сознание, оказавшее влияние на выступления участников Апрельского (1928) Пленума, на становление течения сторонников сохранения рациональных

принципов регулирования экономики. Это означало, что часть большевистской элиты (даже при наличии внутренней цензуры) оказалась способной к эволюции своих взглядов, к восприятию элементов научного видения экономики и социального развития без приоритета насилия.

Во-вторых, если дискуссии на Апрельском (1928) Пленуме ЦК ВКП (б) отразили два достаточно противоречивых подхода к реализации «советского проекта», то резолюции этого Пленума нацеливали на продолжение Нэпа, как пути наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, или, используя выражение В. П. Данилова, «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» [13, с. 17].

В-третьих, на мировоззрение советского руководства оказывали влияние догмы марксистской идеологии, связанные с отрицанием рыночной экономики и частной собственности, а также курс на «мировую революцию», нашедший выражение в деятельности Коминтерна. Это обусловило своеобразную политику И. В. Сталина и той части партии, которая готова была «сохранить Нэп, но без нэпманов» [8, с. 426].

В-четвертых, на формирование конкретно-исторической ситуации сказывалась острая необходимость изыскания значительных финансовых средств для закупок импортного промышленного оборудования.

Наконец, обсуждение жизненно важных проблем на Пленумах 1928 г. проходило в рамках той партии, которая настороженно относилась к любой дискуссии в принципе, и, особенно, после четырех лет внутрипартийной борьбы с троцкистской оппозицией. Для Сталина, шаг за шагом укреплявшего личную власть, обсуждение острых вопросов было допустимо лишь в пределах поддержки позиции генерального секретаря ЦК.

Показательный момент: воздействие сторонников и противников Нэпа, до и после Апрельского Пленума, на издание нормативных документов по линии ОГПУ и Наркомата Юстиции, приводило к появлению циркуляров противоречивого характера, вносящих сумятицу в умы региональных руководителей [6, с. 18, 20]. Тем не менее, запущенный в декабре 1927 г., механизм «чрезвычайных мер», *независимо от решений Апрельского Пленума*, (пусть даже в ослабленном варианте) продолжал раскручиваться, демонстрируя способность авторитарного режима к функционированию вне установленного правового поля.

В такой ситуации июльский (1928) Пленум ЦК ВКП (б) превращался не только в площадку выяснения сил: сверку позиций сталинцев и приверженцев главы СНК и СТО А. И. Рыкова. Вопрос о самой *допу-*

стимости применения системы «чрезвычайных мер», в зависимости от ее принципиальной оценки, мог из конкретного и тактического стать стратегическим и судьбоносным для правящей партии.

Обращает на себя выстроенная Сталиным композиция июльского (1928) Пленума ЦК ВКП (б): если на Апрельском Пленуме (1928) критический «запал» членов ЦК, осуждающих применение «чрезвычайных мер», по замыслу генерального секретаря ЦК, должен был быть «погашен» дружным осуждением «буржуазных специалистов» – «шахтинцев», то в июле 1928 г., уже на первом заседании обсуждение вопросов конгресса Коминтерна, должно было зарядить участников Пленума леворадикальными настроениями.

В определенной степени, Сталину это удалось. Как справедливо отмечают современные историки, в докладе Н. И. Бухарина на пленуме ЦК «Программа Коммунистического интернационала» доминировала жесткая и бескомпромиссная линия по отношению к европейской социал-демократии, на «мерзости» которой списывались все неудачи самих коммунистов. Кроме того, Бухарин настаивал на близости и неизбежности новых войн с участием СССР. Обострение международного положения весной 1927 г. позволило сплотить партийный аппарат в условиях противоборства с «объединенной оппозицией», а в дальнейшем постоянно эксплуатировать идею военной опасности для поддержания в СССР обстановки «осажденной крепости» [6, с. 14].

Такой организационный маневр (выстраивание порядка проведения Пленума) привел к тому, что первые четыре заседания июльского (1928) Пленума ЦК ВКП (б) прошли по сценарию Генерального секретаря.

Центральный вопрос «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением» как и на Апрельском Пленуме, начинался с постановочного доклада А. И. Микояна. Нельзя не согласиться с тем, что двойственность пронизывала весь доклад Микояна [6, с. 14]: нарком одновременно и осуждал применение «чрезвычайных мер» («мы должны решительно прекратить практику экстраординарных мер административного произвола и подразверсточных методов заготовки») и высказывал одобрение применению насилия по отношению к крестьянам в ходе первых месяцев 1928 г. «принятые Центральным Комитетом меры в январе, ... предотвратили опасность величайшего кризиса народного хозяйства, который неизбежно вытекал из кризиса хлебозаготовок» [8, с. 189, 194].

Двойственность обнаруживалась и в оценках существующего положения в экономике. *Вопреки реальности*, Микоян говорил о том, что «основные рабочие центры более или менее обеспечены хлебом». Более того, по мнению наркома «фактически мы имеем подъем сельского хозяйства» [8, с. 180–181].

Каким образом, внезапно обнаруженный «подъем сельского хозяйства», сочетался с признанием самого Микояна: «базой наших хлебозаготовительных затруднений является кризис нашего зернового хозяйства. Он выражается в том, что наше крестьянское хозяйство отстало, раздробленно, причем измельчание крестьянского хозяйства продолжается, что отражается не только на урожайности, но и на том, что чем больше раздроблено хозяйство, тем меньше товарность его продукции» [8, с. 187]. С признанием сохранения кризисной ситуации в производстве льна («после провала 1925/26 г. мы вот уже два года еще никак не можем выбраться из затруднений и изжить кризис льна»), ряда других сельскохозяйственных культур; срыва поставок на внутренний рынок и нарушением экспортных обязательств [8, с. 183–185]. Кроме желания приукрасить реальное положение в угоду Сталину, смягчить критику применения «чрезвычайных мер» других объяснений нет.

Не спасали доклад наркома примеры проявления зимой 1928 г. случаев беззакония (повсеместного закрытия базаров, изъятия части страховых запасов у середняка и т.п.). И даже признание Микояна «распространение практики этих мер на середняка ... кроет в себе величайшие политические и экономические опасности» [8, с. 192–194], судя по выступлениям членов ЦК в прениях, не успокоило присутствующих.

В отличие от Апрельского Пленума число выступающих по центральному вопросу было невелико: в своих выступлениях сторонники и противники Нэпа утверждали: система чрезвычайных мер – инструмент уже пройденного этапа. Но сталинцы были убеждены в том, что *обострение классовой борьбы* может обусловить возвращение насильственных методов.

Тезис об обострении классовой борьбы во внешнеполитической сфере, судя по первому «коминтерновскому» вопросу, сомнений у членов ЦК не вызывал. Однако предполагало ли это автоматическое перенесение подобной идеологической конструкции во внутриполитическую жизнь? В выступлении Сталина на Пленуме 9 июля 1928 г. содержался утвердительный ответ. Генеральный секретарь утверждал, «что по мере нашего продвижения вперед, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а советская власть, силы которой будут возрастать все больше и больше, будет проводить политику изоляции этих элементов, политику подавления сопротивления эксплуататоров...» [8, с. 360].

Само развитие социалистических форм хозяйства для Сталина априори означало вытеснение из экономики «тысяч и тысяч мелких и средних торговцев» и предпринимателей всех видов. Тезис, о закономерном обострении классовой борьбы, обосновании неизбежности и необходимости применения административных, «чрезвычайных мер» для «подавления сопротив-

ления эксплуататоров», провозглашенный Сталиным на десятом заседании Пленума, фактически дезавуировал все неоднократно повторяющиеся слова генсека о «необязательности чрезвычайных мер». Более того, как подчеркивал Сталин, «чрезвычайные меры необходимы и целесообразны при известных, чрезвычайных условиях, когда у нас нет в наличии других мер для маневрирования» [8, с. 361]

Тем самым, плоскость дискуссии смещалась к вопросу о наличии экономических мер воздействия на рыночные процессы и их потенциальной эффективности.

Как и на Апрельском Пленуме ЦК 1928 г., в июле 1928 г. одним из наиболее значимых стало выступление кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП (б), Председателя СНК Украины В. Я. Чубаря. Чубарь основную причину недостатка хлеба видел не в сопротивлении кулачества («кулацкой стачке») а в малой товарности крестьянского хозяйства. «Основа – это малая товарность, причина к этому – низкая урожайность. На апрельском пленуме ЦК мы в резолюции написали о том, что нужно принять ряд мер по повышению урожайности. Но я хочу здесь со всей решительностью подчеркнуть то положение, что партия, советская власть, местные органы и само крестьянство для повышения урожайности еще не сделали и десятой доли того, что нужно сделать» [8, с. 218].

Повысить урожайность, указывал Чубарь, мог только комплекс государственных мероприятий, включавший «создание семенных фондов чистосортных и улучшенных семян; производство удобрений; механизацию, тракторизацию, а также кооперативное объединение бедняцких и середняцких хозяйств. Повышение урожайности в миллионах крестьянских хозяйств могло дать сразу дополнительные сотни миллионы пудов зерна». Чубарь критически оценил те положения доклада Микояна, в которых содержалась пренебрежительная оценка роли ценообразования на зерновые культуры, а также, не соответствующая действительности, картина поставок сельскохозяйственных машин в сельскую местность [8, с. 219–225]. Фактический вывод Чубаря заключался в том, что без повышения урожайности земли на экспорт зерновых культур рассчитывать трудно. «Я лично считаю, что на ближайший период в нашем экспортном плане зерновые продукты большого места не займут» [8, с. 220].

Выступивший вслед за Чубарем, управляющий ЦСУ СССР В. В. Осинский (Оболенский) заострил внимание на ряде диспропорций в расчетах между промышленностью и сельским хозяйством, возникших из-за манипуляций с ценообразованием; выступил с осуждением масштабного перелива капиталов из легкой в тяжелую промышленность. В. В. Осинскому, возможно, простилось бы и многословие, и чрезмерное

Фельдман М. А.

обилие статистических данных, и явная затянутость выступления. Однако, во-первых, управляющий ЦСУ СССР обратил внимание на то, что волонтаристский подход к ценообразованию предлагался еще сторонниками объединенной оппозиции. Во-вторых, высказал ряд персональных замечаний «вождям» Сталину и Молотову. В-третьих, осмелился указать на значительные ежегодные траты (несколько сотен миллионов рублей) на оплату поездок советских управленцев на курорты Крыма и Кавказа. В условиях острого дефицита госбюджета по мнению Осинского это была непозволительная роскошь [8, с. 225–234].

С учетом небольшого выступления И. И. Лепсе – председателя ЦК Союза металлистов, заявившего о тяжелом продовольственном положении даже в ряде поселков при ведущих металлургических заводах Украины и Урала [8, с. 218] обсуждение доклада Микояна явно пошло по незапланированному сценарию.

Характерно, что оба выступивших сторонника Сталина: секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А. А. Андреев и секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП (б) Б. П. Шеболдаев не подвергали критике *фактическое* содержание выступлений Осинского и Чубаря. «Нашей важнейшей задачей» заявил А. А. Андреев «является повышение товарности сельского хозяйства, а поднимать эту товарность только через одни совхозы, через колхозы, которые мы должны теперь развивать более усиленно, мы не сможем. Вопрос усиленной товарности сельского хозяйства будет решать все же индивидуальное крестьянское хозяйство, а повысить товарность крестьянского хозяйства мы можем только через производственную сельскохозяйственную кооперацию, включая в кооперативный оборот раздробленные крестьянские хозяйства [8, с. 238]. Б. П. Шеболдаев отметил недостаточно тщательную проработку вопроса о ценах, нанесшую серьезный вред развитию крестьянского хозяйства [8, с. 240].

Тем не менее, Андреев и Шеболдаев обвинили Осинского в некомпетентности и непозволительной для участника Пленума ЦК ВКП (б) вольности критике партийного руководства. «В ЦК не дураки сидят» сообщил Пленуму Андреев [8, с. 234, 239].

Шеболдаев в отрицательном отношении Осинского к чрезвычайным мерам в ходе хлебозаготовительной кампании увидел «неприятие курса партии» [8, с. 241]. Собственно говоря, это был первый «выстрел» на фоне кажущегося единства присутствующих на Пленуме: деловая и аргументированная критика руководства приравнивалась к оппозиционности.

Сигнал был услышан: новое, седьмое заседание секретаря крайкома ВКП (б) Казахстана Ф. И. Голощекин начал с обвинения Осинского в «неаргументиро-

ванности выводов», заслужив одобрительную реплику Сталина. Голощекин оценил использование практики «чрезвычайных мер» как верное и необходимое, обусловленное «обострением классовой борьбы» [8, с. 243]. После такого признания, логичным был следующий шаг: укор (пока без «ярлыков») был брошен *всем* противникам «чрезвычайных мер». «Я отрицательно отношусь к тем товарищам, которые сейчас на почве обострения наших отношений в деревне отрицательно относятся ко всей прошлой кампании», – заявил Голощекин [8, с. 242].

Не вступая в полемику с Голощекиным, А. И. Стецкий подверг критике доклад Микояна, обратив внимание на забвение в докладе резолюций Апрельского (1928) пленума ЦК ВКП (б), определивших, что «наши теперешние затруднения имеют своим источником нарушение рыночного равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, *имеют ошибки планового характера*, которыми воспользовался кулак» [8, с. 245]. По словам Стецкого, явно несостоятельна была попытка Микояна объяснить применение «чрезвычайных мер» так называемыми объективными причинами. Выпячивание «объективных причин» (техническая и хозяйственная отсталость, и кризис зерновых культур, и раздробленность крестьянского хозяйства, и недостаток товарности сельского хозяйства и т.д.) фактически означало замалчивание ошибок руководства партии в ходе хлебозаготовительной кампании, грозящее не только возвращением к политике времен гражданской войны, но и потерей доверия к партии не только середняков, но и части бедноты [8, с. 245–248].

Выступление представителя группы сторонников Нэпа не могло не вызвать ответа оппонентов. Сталинский выдвиженец М. М. Хатаевич повысил градус напряжения на Пленуме, фактически обвинив Стецкого в защите кулаков и в политической демагогии. Еще одним доводом Хатаевича стала претензия Стецкому – ленинградскому партийному работнику – в территориальной удаленности от «натурального всамделишного мужика» [8, с. 249].

Однако поддержка сталинского курса оказалась своеобразной: на примере Поволжья, Хатаевич заявил о существующей возможности заготавливать зерно у кулаков «без применения экстраординарных мер» (!). Выдал партийный функционер и секрет Полишнеля: «чрезвычайные меры», повлекшие самые «резкие перегибы», местные партийные органы применяли под «нажимом ЦК». Так, уже после Апрельского (1928) пленума ЦК ВКП (б), аппарат ЦК отправлял телеграммы с требованием усилить нажим на крестьян для обеспечения заготовок зерна [8, с. 250, 252]. Как видно, в июле 1928 г. принадлежность к «команде» еще не мешала передвинуть ответственность за ошибки на вышестоящие инстанции. Имя главного инициатора

подобных телеграмм не прозвучало, но оно подразумевалось.

Седьмое и восьмое заседания июльского Пленума проходили с явным перевесом приверженцев нэпа. Показательным можно считать выступление руководителя московской партийной организации Н. А. Угланова, указавшего на появление «тревоги и сомнений в рабочем классе на одиннадцатом году нашей революции» не только в силу продовольственного положения, но из-за определенной оторванности аппаратчиков от «партийной массы и широких рабочих масс». Одновременно Угланов отметил, что бюрократизация и излишняя централизация экономической жизни в СССР стали тормозом развития, а гонения на частных предпринимателей обернулись провалами в снабжении столицы [8, с. 254, 256].

Выступления других ораторов только дополняли картину в регионах частными деталями. Примечательной была реплика секретаря ЦК ВКП (б) Украины А. В. Медведева: максимальная концентрация всех сил партии на борьбу с оппозицией («идеологическую борьбу внутри партии») помешала тщательной подготовке хлебозаготовок [8, с. 290].

Выступление первого секретаря ЦК ВКП (б) Украины Л. М. Кагановича должно было переломить ход событий на Пленуме. Начав с признания масштабных перебоев в снабжении рабочих центров и широкого недовольства среди крестьян-середняков «чрезвычайными мерами», вызванных объективными причинами ошибками в планировании и отсутствием должного запаса промышленных товаров для торговли с селом Каганович представил «сопротивление кулаков», как главное препятствие на пути развития села в прошлом и настоящем. «Кулацкую стачку» можно было подавить только применением «чрезвычайных мер». Более того, утверждал Каганович, «чрезвычайные меры», вскоре понадобятся вновь: кулачество ведет войну против Советской власти [8, с. 280–283].

Давний соратник Сталина – Каганович сделал любопытное «открытие»: «чистое» соревнование частного и государственного секторов в экономике в СССР недопустимо [8, с. 283]. Каганович не объяснял смысл такого тезиса, однако из его доклада вытекало, что частные предприниматели более гибко приспосабливаются к изменениям рыночных условий. Выразив в наиболее концентрированной форме, позицию сторонников экстраординарных мер, Каганович выступил с прямой угрозой в адрес «инакомыслящих»: «кто осуждает извращения, кто осуждает безобразия, которые были, не заостряя тут же вопрос о борьбе с кулаком, готовящимся сейчас с нами вступить в борьбу в предстоящую хлебозаготовительную кампанию, тот, по-моему, делает **крупнейшую политическую ошибку, чреватую большими последствиями** (выделено мною (М.Ф.))» [8, с. 285].

Как видно, к концу восьмого заседания Пленума ЦК, от критики отдельно взятого управленца, сталинцы перешли к политическим обвинениям в адрес большой группы своих коллег. Затруднительной стало не только «чистое» соревнование двух секторов в экономике, но и беспристрастная дискуссия по проблемам решения финансово-экономического развития.

Ответ на подобную позицию последовал довольно скоро. В своем выступлении глава советского правительства А. И. Рыков прямо заявил: «мы зашли в применении чрезвычайных мер довольно далеко и теперь можем и должны подвести итоги пройденного. Я не могу похвастаться тем, что, применяя чрезвычайные меры, мы добились большого успеха» [8, с. 312].

Рыков выразил резкое несогласие с курсом на деформацию Нэпа: «весь смысл речи Кагановича сводился к защите чрезвычайных мер как таковых, во все времена и при всяких обстоятельствах». Формально слова Рыкова были обращены к руководителю компартии Украины: «... из его речи вытекала сплошная апологетика (вместо анализа) этих самых чрезвычайных мер» [8, с. 310–311]. Однако все присутствующие на Пленуме понимали: к кому в действительности обращены эти слова.

Как бы исследователи не относились к Сталину, надо признать, что умение чувствовать обстановку, расклад сил, и, в зависимости от этого, менять собственную тактику было характерной чертой Генерального секретаря. Отдавая отчет в преобладании на Пленуме критических выступлений в свой адрес, Сталин в своем выступлении предстал в роли мудрого и спокойного судьи, отвечающего на трудные вопросы. Оппоненты не из Политбюро (Осинский, Стецкий, Крицман) были выставлены Сталиным в качестве путаников («свалили в одну кучу разнородные причины наших затруднений на хлебном фронте, смешали причины временные и конъюнктурные (специфические) с причинами длительными и основными»). Оппонентов из состава Политбюро Сталин не упомянул вообще. Сдержанное замечание о потенциальной возможности применения чрезвычайных мер в отношении кулаков и спекулянтов не вызвало каких-либо комментариев у слушателей, а заключительная фраза «... нынешние трудности закалят наши большевистские ряды ...» [8, с. 362–369] казалось, устраивала всех.

Чисто внешняя сдержанность Сталина была подхвачена Н. И. Бухариным. В своем выступлении, «главный идеолог» партии несколько раз ссылаясь на слова т. Сталина, как на лидера партии. Вместе с тем слушатели могли заметить, по меньшей мере, три принципиальных отличия.

Рассматривая отношения города и села, как, преимущественно, рыночные, из всех причин, породивших кризис хлебозаготовок, Бухарин на первое место

поставил вопрос о ценах (произвольное понижение цен на сельскохозяйственные продукты. [8, с. 376–377]

Со всей определенностью, Бухарин определил отказ от практики «чрезвычайных мер» как **главнейшую задачу партии**. Уточняя, раз за разом свою мысль, Бухарин подчеркивал: «мы должны снять эти чрезвычайные меры, потому что они переросли самих себя, они изжили себя исторически, они хозяйственно нам больше почти что ничего не дают» [8, с. 379]

Наконец, модернизацию сельской экономики Бухарин видел в *одновременном развитии* индивидуального хозяйства, курса на коллективизацию, и индустриализацию сельского производства; в дальнейшем «наступлении на кулака»; успехи планирования связывались с уходом от сверхцентрализации и заменой» бюрократической инициативы инициативой с мест [8, с. 384, 389].

Судя по количеству реплик во время выступления Бухарина (как правило, поощрительных), участники Пленума с одобрением отнеслись к содержанию доклада, неоднократно сопоставленного Бухариным с тезисами XV съезда партии и Апрельского (1928) Пленума ЦК.

В исторической литературе последних десятилетий прочно утвердилось понятие «бухаринская альтернатива», как особое идейно-политическое направление в 1928–1929 гг., предложившее свой путь построения социализма [14, с. 122]. Следует внести два замечания. Взгляды Н. И. Бухарина переплетались с мнением большого ряда советских экономистов, изложенным в научных статьях и монографиях середины 1920-х гг. [12, с. 26–29]; в проектах Первого пятилетнего плана на съездах плановых работников [11]. Что же касается июльского Пленума ЦК судя по количеству заданных вопросов и поданных реплик; по остроте выступления сторонниками Нэпа руководил А. И. Рыков.

Выступление В. М. Молотова фактически подвело черту обсуждению вопроса о хлебозаготовках: в последующем сообщении Н. К. Крупской поднимался частный вопрос, а в многословной речи М. Е. Томского доминировала эмпирика и общие рассуждения. Правда профсоюзный лидер не упустил возможность иронически оценить противников Нэпа: «веет от некоторых речей таким душком хорошо, если бы этот нэп был, но без нэпманов, без кулаков, без концессионеров. Вот это был бы прекрасный нэп» [8, с. 426].

Начало доклада В. М. Молотова было выдержано в духе поддержки выводов Рыкова и Бухарина. «Из всей обстановки текущего момента вытекает, что ответ на вопрос о том, как кончить хлебозаготовительную кампанию 1927/28 г., должен состоять в решительной ликвидации чрезвычайных мер в деревне, и притом ликвидации немедленной» – заявил секретарь ЦК. Совпадала и оценка причин трудностей: «при

недостатке промтоваров, ошибках планирования, низком сельхозналоге для имущих крестьян и т.д., к тому, что деревня сильно уменьшила против прошлого года продажу зерна, но охотно продавала другие сельскохозяйственные продукты» [8, с. 390–391]. Солидаризовался Молотов и с Углановым по вопросу ненужности свертывания сети частных мелких предприятий» [8, с. 390–391, 404].

Однако пламенный революционер в Молотове не угас. Нужный сегодня слой мелких предпринимателей все-таки должен был быть уничтоженным. «Нам не приходится надеяться на повышение дохода у частного капитала в городе и деревне, этот слой у нас гибнет, отживает, мы его умерщвляем и загоняем в могилу (!)» [8, с. 397]. Отдавая должное образности слога секретаря ЦК, нельзя не заметить: за все время его пространныго выступления ни разу не прозвучало слово «Нэп». Зато соратник Сталина неоднократно подвергал критике Осинского, Сокольников, Стецкого, Астрова за «антимарксизм». Молотов довел градус дискуссии до нужной точки: иные подходы к достижению одной цели превращались во враждебные.

Обсуждение резолюции по указанному выше вопросу не принесло неожиданностей: сторонники Нэпа оказались в большинстве. В резолюции подтверждалась необходимость сохранения Нэпа, прежде всего установки на подъем мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, на широкое использование и развитие товарно-рыночных связей в экономике. Вскоре были повышены (хотя и незначительно) заготовительные цены на хлеб [8, с. 588–592].

В предпоследний день работы Пленума (11 июля 1928 г.) был заслушан доклад М. И. Калинина «Об организации новых (зерновых) совхозов». «Всесоюзный староста» начал с сообщения о том, что по инициативе Сталина 26 апреля 1928 г. было принято постановление Политбюро «об организации в течение 3–4 лет в РСФСР и на Украине новых крупных совхозов по производству хлеба ... в расчете на то, чтобы к концу этого срока иметь в них годовое производство товарного хлеба в размере 100 млн пудов» [8, с. 453].

На организацию новых совхозов государством была выделена огромная сумма – 300 млн руб. О серьезности вопроса говорил и тот факт, что, с апреля по июль 1928 г. комиссия Политбюро по организации новых совхозов собиралась 8 раз [8, с. 453–454]. Обсуждала комиссия и проблему механизации новых совхозов. Однако здесь действительность была неутешительной: при необходимости иметь тракторный парк примерно в 25 тыс. тракторов, тракторостроители в год выпускали 100–180 тракторов. Тем не менее, отсутствие необходимых материально-технических предпосылок не должно было остановить создание новых совхозов [8, с. 457–458].

Судя по всему, тревожные мысли все-таки не оставляли М. И. Калинина. «Не проще ли» задал вопрос Калинин «всю эту сумму денег бросить на уже существующие старые совхозы? Тем паче, защитников этой линии много». Однако далее, он же дал весьма определенную характеристику старых совхозов: как малодейственной организации с директивными методами управления и внеэкономическими методами хозяйствования [8, с. 463].

Примечательно, что весь доклад «всесоюзный староста» фактически «ерничал»: постоянно перемежал речь шутками и задирали присутствующих колкими репликами. В тексте стенограммы выступления Калинина постоянно присутствует слово «смех». Однако «смешные настроения» быстро закончились, и участники Пленума обрушились с резкой критикой на «шутника».

Тон задал Н. М. Анцелович, председатель ЦК профсоюза сельских рабочих, заметивший, что проект создания новых совхозов не учитывает очевидные риски: район, предполагаемый для строительства зерновых фабрик (Северный Кавказ) засушливый; намечаемая система полеводства страдает элементами агроэкономической безграмотности. Все это приведет к нерентабельности совхозов и огромным растратам денег. Более того, продолжал профсоюзный работник: «всякое крупное хозяйство, если оно не будет механизировано в наших условиях, когда рабочий или крестьянский труд обходится очень дорого, будет нерентабельным. ... Нужно обязательно, хотя бы два года, готовиться к тому, чтобы полеводство было дополнено или овцеводством, или хозяйство зернового типа с каждым годом принимало все более травопольный и животноводческий уклон. Без этого новые совхозы будут убыточны» [8, с. 472].

«Что это за политика – строить новые совхозы без всякого учета рентабельности того или иного орудия производства? Зачем, я спрашиваю вас, начинать с «тракторных кладбищ» [8, с. 474] – завершил выступление Анцелович.

Продолживший прения, Осинский обратил внимание на два аспекта. «У нас затевается масса зерновых совхозов. Предполагается ли на них севооборот? Я ничего об этом официально не знаю, потому что из доклада Михаила Ивановича никакой деловой постановки вопроса, никаких деловых предложений не видно». По мнению управляющего ЦСУ, опыт крупных зерновых фабрик за рубежом оказался неэффективным [8, с. 482, 484].

Отталкиваясь от опыта строительства совхозов на Украине, Чубарь сделал вывод, что рентабельными могут быть только средние по размерам совхозы (с площадью 1000 или 2000 гектаров), «где применение машин и людской силы было бы наиболее раци-

ональным, эффективным. Нужно найти такие производственные ячейки в крупном хозяйстве, которые дали бы наибольшую производственную эффективность, чтобы не нужно было за десятки верст гонять трактора и машины, развозить людей». «И вот, когда Михаил Иванович в своем докладе два или три раза повторил, что с разрешением этой задачи социализм в деревне будет построен, мне кажется, что он строит иллюзии, за которые потом придется расплачиваться» [8, с. 489, 490] пророчески резюмировал Чубарь.

Мнение Чубаря поддержало большинство выступающих по этому вопросу. Так Хатаевич указал на то, что на Средней Волге старые совхозы нерентабельны, рабочим в них по два месяца не платят зарплаты, «машинный парк» представлен волами; банковские кредиты не отпускаются. Отменить постановление Политбюро невозможно, заметил опытный функционер, «но принимая такие громадные меры по созданию новых совхозов, нужно одновременно обеспечить более решительное проведение в жизнь прежних решений о приведении в приличное состояние старых совхозов» [8, с. 493–494].

«Украинский староста» Петровский предостерег: деньги на создание совхозов будут отобраны из фондов помощи индивидуальному крестьянскому хозяйству. Между тем, простейшая крестьянская кооперация представляет собой более быстрый и эффективный вариант помощи бедноте и форму самостоятельной покупки сельхозинвентаря [8, с. 496].

О чрезвычайно тяжелом положении, убыточности старых совхозов РСФСР; огромной нехватке управленческих кадров для совхозов говорил заместитель наркома земледелия РСФСР И. Е. Клименко. Что же касается новых совхозов, – они возможны в связи с переселением крестьян на Дальний Восток либо (по мнению И. Д. Кабакова) – вблизи крупных городов и промышленных предприятий [8, с. 497–498, 509].

Для спасения Постановления Политбюро пришлось (по собственному признанию) незапланированно [8, с. 513] выступать Сталину. Сталин, в качестве главного объекта критики, избрал Осинского, методично доказывая его некомпетентность. Однако доводы Сталина о необходимости создания новых совхозов, помимо изложения опыта *одного* образцового зернового хозяйства в США, были основаны на лозунге обязательности «систематической поддержки крестьянской бедноты» [8, с. 513–518].

В предельно короткой резолюции Пленума «об организации новых совхозов» говорилось о необходимости со всей тщательностью произвести отбор земельных участков для организации новых совхозов..., чтобы обеспечить при минимуме риска наибольшую рентабельность этих предприятий. При строительстве новых совхозов предполагалось максимально

изучить опыт старых совхозов [8, с. 597–598]. Как видно, за исключением отдельных пожеланий, Сталину удалось отклонить все аргументированные возражения участников Пленума. Решение об организации «зерновых фабрик» в чрезвычайных масштабах и в чрезвычайном порядке все-таки было принято.

Сегодня известна и цена такого решения: как указывают специалисты-аграрники, через 4–5 лет, когда новые совхозы должны были работать на полную мощность, недород и голод 1932–1933 гг. сильнее всего поразят районы их размещения [6, с. 20].

На последнем пятнадцатом заседании июльский Пленум по докладу Молотова принял постановление «Об улучшении подготовки новых специалистов». Постановление констатировало: «система подготовки специалистов органически не увязана с промышленностью» [8, с. 499].

Курс на максимальное приспособление высшего технического образования к непосредственным нуждам промышленности включал в себя: положение об организации нескольких втузов нового типа, особенно для дефицитных специальностей, со сроком обучения 3–4 года. До 4–5 лет сокращалось обучение во втузах в целом, при этом 5–6 годами ограничивался срок пребывания во втузах (ранее в силу тяжелого материального положения и слабой подготовки многие студенты задерживались в вузах на 6–8 лет). Существенно (не менее чем до 10 месяцев) увеличивалась производственная практика. Для выпускников вузов и техникумов устанавливался обязательный трехгодичный срок работы на производстве по указанию хозяйственных органов и т.д.

Одним из приоритетов нового курса было максимальное насыщение высшей школы членами партии, комсомола, рабочими и ограничение притока выходцев из иных слоев (служащих, детей старых специалистов и т.п.). Уже в 1928 г. органам власти предписывалось добиться, чтобы рабочие составляли не менее 65 % принятых во втузы, и направить во втузы не менее 1000 коммунистов (набор «парттысячников» предлагалось повторять в течение ближайших лет) [8, с. 603]. Все эти решения пленума на многие годы предопределили государственную политику по отношению к высшей школе.

Кто же одержал победу в ходе девятидневного политического противостояния на июльском (1928) Пленуме ЦК ВКП (б)? Главный вопрос, вынесенный на обсуждение Пленума ЦК – о хлебозаготовках – завершился принятием резолюции, близкой по содержанию к тезисам группы Рыкова – Бухарина. В резолюции говорилось об «опасности разрыва между городом и деревней», о том, что индивидуальное хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране», признавались ошибки при проведе-

нии хлебозаготовительной кампании 1927–1928 года, провозглашалась недопустимость нового применения чрезвычайных мер [8, с. 588–592]. Возможность продолжения новой экономической политики, как пути, перспективного и доказавшего свою эффективность, была признана участниками Пленума ЦК ВКП (б) в июле 1928 г.

Однако, во-первых, Сталин и его сторонники упорно отстаивали иное мнение. Более того, прикрываясь резолюциями по первому, «коминтерновскому» вопросу, они использовали тезис об обострении классовой борьбы для обоснования потенциальной возможности применения чрезвычайных мер. Во-вторых, вопреки решениям Пленумов ЦК ВКП (б), вне официальной политики правящей партии, начиная с первых месяцев 1928 г., нарастает, управляемая Сталиным, кампания насилия со стороны органов ОГПУ и представителей местных советских и партийных структур. Ее главной пружиной являлась статья 111 УК РСФСР, которая стала применяться не только к крестьянам, но и по отношению к работникам государственного, партийного и кооперативного аппарата. Все это приводило к вполне определенным результатам: условия Нэпа сохранялись только в усеченном виде, а частнохозяйственные формы торговли и промышленности (кустарной) приобрели остаточный характер [6, с. 19].

Тем не менее, значение июльского (1928) Пленума ЦК ВКП (б) велико. На Пленуме была продемонстрирована реальная альтернатива левацкому курсу – вариант осуществления индустриализации страны и преобразования крестьянской экономики на принципах новой экономической политики. Пленум продемонстрировал способность части большевистского руководства к восприятию рационального пути развития экономики; способность понять и осознать выводы ученых-экономистов, либо просто проявить прагматизм, исходя из опыта хозяйствования в регионах. В открытом и честном бою сталинизм не выдержал испытания.

Исключительная сложность реализации альтернативного варианта сталинизму не вызывает сомнения. Вырваться из-под притяжения идеологических догм было предельно трудно и большевикам в 1928 г. и китайским коммунистам в начале 1980-х гг. [15, с. 419].

Прагматизм, однако, временами не был чужд марксистам в критические минуты их деятельности. Если осмысление практики сопоставлялось с доводами ученых – появлялась возможность пройти и через «бутылочное горлышко» истории. И не только в прошлом. Не осмыслив пути решения проблем нэповской экономики в конце 1920-х гг., современная Россия вновь сталкивается с решением сложнейших задач взаимодействия «социального» государства и частного предпринимательства в условиях раннего капитализма.

Литература:

References:

1. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Прогресс, 1992. 480 с.
2. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М: Прогресс, 1990. 480 с.
3. Кислицын С. А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов: Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е гг. М.: ЛЕНАНД, 2014. 264 с.
4. Гимпельсон Е. Г. Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки. (20-е гг. XX в.). М.: Собрание, 2004. 303 с.
5. Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М.: Республика, 1992. 480 с.
6. Данилов В. П., Ватлин А. Ю., Хлевнюк О. В. Введение / Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. Т. 2. Пленум ЦК ВКП (б) 4–12 июля 1928 г. М.: Демократия, 2000. С. 4–25.
7. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.) М: РОССПЭН, 2014. 350 с.
8. Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б) 1928–1929 гг. Т. 3. Пленум ЦК ВКП (б) 4–12 июля 1928 г. М.: Демократия, 2000. 719 с.
9. Как ломали Нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП (б). 1928–1929 гг. Т. 3. Пленум ЦК ВКП (б) 6–12 ноября 1928 г. М.: Демократия, 2000. 663 с.
10. Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. : Материалы Центральной комиссии по пятилетнему плану / Под ред. С. Г. Струмилина. М.: Госплан СССР, 1927. 699 с.
11. Проблемы реконструкции народного хозяйства на пятилетие (пятилетний перспективный план на пятом съезде советов госпланов). М.: Плановое хозяйство, 1929. 647 с.
12. Ясный Н. Советские экономисты 1920-годов. Долг памяти. М.: Дело, 2012. 344 с.
13. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 863 с.
14. Данилов В. П. Бухаринская альтернатива / История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2011. С. 125–151.
15. Панцев А. В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.

1. Vert N. History of the Soviet state. 1900–1991. M.: Progress, 1992. 480 p.
2. Tucker R. Stalin. The path to power. 1879–1929. History and personality. M: Progress, 1990. 480 p.
3. Kislitsyn S. A. Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergei Syrtsov: From the history of the formation of anti-Stalinist resistance in Soviet society in the 1920s and 1930s M.: LENAND. 2014. 264 p.
4. Gimpelson E. G. New economic policy of Lenin – Stalin. Problems and lessons. (20s of the twentieth century.). M.: Collection, 2004. 303 p.
5. Kuhn M. Bukharin – his friends and enemies. M.: Republic, 1992. 480 p.
6. Danilov V. P., Vatlin A. Yu., Khlevnyuk O. V. Introduction / How to break NEP. Transcripts of plenary meetings of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929. V.2. Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) 4–12 July 1928. M.: Democracy, 2000. P. 4–25.
7. Kondrashin V. V. Bakery policy during the first five-year plan and its results (1929–1933) M: ROSSPEN, 2014. 350 p.
8. How to break NEP. Transcripts of plenary meetings of the Central Committee of the CPSU (b) 1928–1929. V.3. Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) July 4–12, 1928. M.: Democracy, 2000. 719 p.
9. How to break NEP. Transcripts of plenums of the Central Committee of the CPSU (b). 1928–1929. V.3. Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) November 16–124, 1928 M.: Democracy, 2000. 663 p.
10. Prospects for the development of the national economy of the USSR for 1926/27–1930/31. : Materials of the Central Commission on the five-year plan / Ed. S. G. Strumilina. M. : Gosplan USSR, 1927. 699 p.
11. Problems of reconstruction of the national economy for the five-year period (the five-year perspective plan at the fifth congress of the councils of state plans). M. : Planned economy, 1929. 647 p.
12. Clear Naum. Soviet economists of the 1920s. Duty of memory. M.: Delo, 2012. 344 p.
13. Danilov V. P. The history of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected Works. P. 1. M.: ROSSPEN, 2011. 863 p.
14. Danilov V. P. Bukharin alternative / The history of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected Works. P. 2. M.: ROSSPAN, 2011. P. 125–151.
15. Pantsev A. V. Deng Xiaoping. M.: Young Guard, 2013. 558 p.